

УДК 316.34(470.6)
ББК 60.524.4(235.7)
С 32

А.В. Сериков,

кандидат социологических наук, доцент, директор Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, тел.: +79064222638, e-mail: aserikov@inbox.ru

А.В. Бедрик,

кандидат социологических наук, доцент Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, тел.: +79286196330, e-mail: abedrik@bk.ru

А.А. Зайцева,

аспирант Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, тел.: +79043419793, e-mail: nas89043419793@mail.ru

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ЭТНИЧЕСКИХ ДИАСПОР ЮГА РОССИИ: СОСТОЯНИЕ И ИНТЕГРАЦИЯ ¹

(Рецензирована)

Аннотация. В статье анализируется социальная структура этнических диаспор Юга России, выявляется степень ее этносоциальной дифференциации, определяется роль этнических лидеров в мобилизации членов диаспорной общности. Появление в структуре общины субдиаспорных компонентов может обуславливать объективную потребность в институционализации новых национально-культурных объединений, что служит интересам сохранения и развития культуры, а также обеспечения лояльности группы, легитимности ее лидера, его способности представлять этнические интересы перед институтами власти. Рассматриваются вопросы сегментации диаспоры на старожильческий и миграционный компоненты, а также проблема диаспорных маргиналов.

Ключевые слова: диаспора, социальная структура, этнические лидеры, этнический актив, этнические маргиналы, идентичность, интеграция.

A.V. Serikov,

Candidate of Sociology, Associate Professor, Director of the Institute of Sociology and Regional Studies of Southern Federal University, Rostov-on-Don, ph.: +79064222638, e-mail: aserikov@inbox.ru

A.V. Bedrik,

Candidate of Sociology, Associate Professor of the Institute of Sociology and Regional Studies of Southern Federal University, Rostov-on-Don, ph.: +79286196330, e-mail: abedrik@bk.ru

A.A. Zaitseva,

Post-graduate student of the Institute of Sociology and Regional Studies of Southern Federal University, Rostov-on-Don, ph.: +79043419793, e-mail: nas89043419793@mail.ru

¹ Статья выполнена в рамках проекта РГНФ № 16-33-00030 «Антропоток и этнические диаспоры: социальные практики взаимодействия, особенности коллективных идентичностей и национальная безопасность в странах со сложной этнокультурной структурой (Россия и Германия)».

SOCIAL STRUCTURE OF ETHNIC DIASPORAS IN THE SOUTH OF RUSSIA: STATE AND INTEGRATION

Abstract. The paper analyzes the social structure of ethnic diasporas in the South of Russia, determines extent of their ethnosocial differentiation, and defines the role of ethnic leaders in mobilization of members of diaspora community. Emergence of subdiaspora components in structure of community can cause the objective need for an institutionalization of new national and cultural associations that serve the interests of preservation and development of culture, as well as ensuring loyalty of group, legitimacy of its leader and his ability to represent the ethnic interests before institutes of the power. Questions of diaspora segmentation into long-term resident and migration components, as well as a problem of the diaspora outcasts are examined.

Keywords: Diaspora, social structure, ethnic leaders, ethnic activist group, ethnic outcasts, identity, integration.

В современном социокультурном пространстве южнороссийского макрорегиона представлено множество этнических и конфессиональных компонентов, имеющих отличительную историческую природу происхождения и этносоциальный статус. Каждый сегмент подобной этнокультурной палитры по-разному вписан в структуру социальных коммуникаций региона и дифференцирован на внутригрупповом уровне. Всероссийская перепись населения зафиксировала на территории субъектов Южного федерального и Северо-Кавказского федерального округов представителей более 180 этнических групп [1], имеющих различный демографический потенциал. Однако реальная мозаика народов и культур региона усугубляется внутриэтнической сегментацией общности, что обусловлено историческими, лингвистическими, конфессиональными, региональными факторами. Особенно подобная дифференцированность проявляется на примере диаспор региона. Представители диаспор имеют неравномерную степень актуальности этнической идентичности, различную культурную и социальную дистанцию с другими компонентами этносоциальной структуры населения региона. В связи с этим исследование

социальной фрагментации диаспор представляется актуальным, так как позволяет выделить комплекс проблем и направлений повышения эффективности государственной национальной политики в отношении данного типа этнических сообществ [2; 112].

В качестве диаспоры нами рассматривается этническое меньшинство, проживающее за пределами своей исторической родины (национального государства или государства, в котором расселена основная совокупность этноса) и образующее на территории своего компактного проживания социально интегрированное сообщество по признаку этнокультурного самоопределения [3; 64]. Цель исследования заключается в выявлении структурных компонентов этнической диаспоры как социальной группы, что обеспечит понимание специфики социокультурного воспроизводства данных сообществ в условиях южнороссийского социума. В основе методологии проводимого исследования лежат структурно-функциональный и неинституциональный подходы. Структурно-функциональный подход позволяет рассматривать отдельные компоненты внутри диаспоры как факторы воспроизводства ее идентичности, поддержания актуального уровня этнической

культуры и языка. Неинституциональный подход раскрывает сущность диаспоры как института группообразования на формальном и неформальном уровне по признаку этнической идентичности, осуществление представительства этнических интересов, нивелирование внутриэтнической дифференциации по конфессиональному, диалектическому критериям или цензу оседлости. Одновременно и тот, и другой подходы позволяют выделить элементы структуры диаспоры, провоцирующие кризис ее идентичности, субдиаспоризацию и конкуренцию диаспорных объединений.

Эмпирическая часть исследования включает в себя серию глубинных интервью с руководителями и активистами национально-культурных сообществ, а также опрос представителей диаспорных сообществ, который осуществлялся анкетным стандартизированным интервью на основе выборки, формируемой методом «снежного кома». Всего в мае-октябре 2017 г. в г. Ростове-на-Дону и Ростовской области было проведено 12 глубинных интервью, а анкетным методом опрошено 124 респондента.

Ключевым фактором для институционализации диаспоры (на формальном или неформальном уровнях) является выделение из среды этнической общности ее лидеров. Эти лидеры должны быть способны мобилизовать группу, обеспечить ее представительство перед официальными институтами на территории ее расселения, обладать необходимым коммуникативным и ресурсным потенциалом для решения возникающих у диаспоры проблем, а также авторитетом для реализации медиаторских практик, как на внутриэтническом, так и на межэтническом уровнях. Функции лидеров в отношении структуры диаспоры можно условно разделить на внутренние и внешние [4; 402]. К категории внутренних функций относятся:

1) преодоление внутридиаспорных различий и противоречий; 2) актуализация этнической идентичности у латентной части диаспоры; 3) обеспечение сохранения общиной своей этнической культуры [5; 78]. Реализация первой функции тем более важна, так как без нее невозможно обеспечить групповую интегрированность общности – основу сохранения диаспорной идентичности и диаспорного статуса. В 1990-х – начале 2000-х гг. институционализация национально-культурных объединений осуществлялась стихийно, в силу чего одна и та же диаспорная группа могла быть формально организована в несколько параллельных общественных объединений, слабо контактирующих или даже конкурирующих друг с другом. Преодоление подобных расколов – важный тренд развития национально-культурных сообществ диаспор на современном этапе. Из интервью исполнительного директора Еврейской национально-культурной автономии Ростовской области: «Пока я ни собрала всех лидеров местных, региональных еврейских общин, которые постоянно ссорились и враждовали, ни посадила за один стол и ни сказала, что или мы объединяемся и учимся жить сообща, или в итоге просто не выживем в новых условиях, никто не хотел друг с другом взаимодействовать. А теперь мы все внутри одной структуры, синагога с нами, открыли свою национальную школу, и в целом деятельность стала более продуктивной».

Данная внутренняя функция имеет немаловажное значение для реализации диаспорой своих внешних функций [6;96], к которым относятся: 1) представительство интересов сообщества в органах региональной власти, местного самоуправления, общественных структурах; 2) осуществление связей с дипломатическими службами государств титульной принадлежности диаспоры (т.е. обеспечение

связи с исторической родиной); 3) реализация медиаторской деятельности и урегулирование конфликтов представителей общины и других этнических групп на территории их проживания. Так, по заявлению в ходе глубинного интервью заместителя председателя польской национально-культурной организации Ростовской области «Союз поляков Дона», присутствие и конкуренция в регионе двух полонейских объединений препятствует выстраиванию отношений со структурами посольства Республики Польша в России, сужает капитал доверия в отношении лидеров объединений. Альтернативные институты диаспор могут быть объективно обусловлены наличием конфессиональных, диалектических особенностей субгрупп или регионом ее происхождения. Но дополнительная институциональная фрагментация группы выглядит оправданной в тех случаях, когда идет речь о существенных в демографическом отношении совокупностях общности и масштабном, а не локальном или дисперсном, характере ее расселения по территории региона. Для миноритарных сообществ дополнительное дробление их объединений является источником делегитимизации лидеров и структур в оценках представителей этнической общности.

Наряду с диаспорными лидерами, в структуре объединений выделяется группа диаспорного актива. Между лидером и активистами осуществляется перераспределение руководящих и представительных функций. Актив диаспоры может иметь функциональную дифференциацию в зависимости от профиля своей деятельности: осуществление творческой, юридической, исследовательской, информационной деятельности и т.д. Преимущественно актив диаспоры формируется из числа представителей диаспорной интеллигенции, относящихся к категории старожильческого

населения региона. Для данной части общины осуществление деятельности в рамках национально-культурного объединения является преимущественно общественной инициативой, лежащей за рамками основного места их работы. Исключение составляют представители диаспорных творческих коллективов, совмещающих основной и общественный профиль деятельности (руководители национальных ансамблей, театров, хоров и т.д.). Из среды диаспорного актива может выдвигаться неформальный лидер объединения, не обладающий статусным и ресурсным потенциалом для официального руководства диаспорой, но имеющий авторитет внутри объединения, непосредственно мобилирующий и направляющий, концептуально обеспечивающий его работу. Наличие неформального (партикулярного) лидера выполняет стабилизационную функцию для группы. Как показывает региональный опыт функционирования национально-культурных объединений диаспор Ростовской области, Краснодарского края и Ставропольского края, смена формального лидера, которая сама по себе происходила эпизодически в последнее десятилетие, практически никогда не приводила к смене неформального лидера группы.

Социокультурная гомогенность или гетерогенность диаспорного сообщества детерминирована, прежде всего, временным критерием, в соответствии с которым можно выделить несколько типов общностей [7; 99]. Во-первых, исторические диаспоры, имеющие многопоколенный опыт проживания на данной территории и не испытывающие миграционного притока в постсоветский период. Таковыми на Юге России выступают евреи, немцы, поляки, греки, ассирийцы. Во-вторых, исторические диаспоры, имеющие многопоколенный опыт проживания на данной территории и отмеченные существенным

миграционным притоком в постсоветский период. На Юге России это, прежде всего, армяне и азербайджанцы. В-третьих, новые диаспоры, продолжительность пребывания которых в регионе измеряется одним-двумя поколениями, а основная демографическая совокупность сформирована в результате постсоветских миграций. Для рассматриваемых регионов Юга России это диаспоры турок и народов Средней Азии.

В первой категории диаспор представлен исключительно старожильческий компонент, характеризующийся обширным и устойчивым ассимиляционным трендом. В третьей категории диаспор, наоборот, наиболее высок уровень национальной культуры и этнической идентичности, так как они сформированы преимущественно из мигрантов. В данной категории общин сложности их институционализации объясняются практически полным отсутствием слоя этнической интеллигенции, способного взять на себя функции интеграции и этнического представительства. Этим во многом объясняется ориентация данных общин на этнокультурное капсулирование внутри регионального социума. Фрагментация диаспор второй категории по временному критерию вызывает процессы субдиаспоризации, формальную и неформальную институционализацию нескольких общественных объединений.

В отличие от приведенных примеров альтернативных и конкурентных диаспорных объединений, создаваемых преимущественно среди первой категории общин, субдиаспорные группы второй категории не конкурируют между собой, так как опираются на различные в социокультурном, идентификационном и территориальном отношении когорты внутри одной этнической группы. Например, в среде армянской диаспоры выделяются компоненты по региональному признаку

происхождения (крымские, сухумские, карабахские, бакинские и т.д.), каждый из которых обладает необходимым набором параметров культурных различий, чтобы идентифицировать себя как субдиаспора [8; 24].

Конкуренция между объединениями, подрывающая их легитимность в оценках рядовых членов диаспор, объясняется политикой региональных властей в отношении общественных объединений национально-культурного толка, реализующих принцип «один народ – одно национально-культурное объединение». Наличие искусственных барьеров, препятствующих регистрации новых формальных институтов диаспор, на которые указывали респонденты в ходе проведенного исследования, интерпретируются властью как инструмент сохранения контроля в национальной сфере региона. Однако проведенный анализ показал, что в подобных условиях потенциал межэтнической медиации в деятельности общин снижается.

Следует также отметить, что данные мониторинговых исследований Г.С. Денисовой, проведенные на материалах армянской диаспоры Дона в первой половине 2000-х гг. [9; 61], как и результаты нашего исследования, свидетельствуют, что культурная и социальная дистанция между старожильческой и миграционной частями диаспоры может быть большей, чем между диаспорными старожилками и местным населением. Так, старожилы из числа донских армян традиционно демонстрируют больший уровень негативных оценок в отношении армян-мигрантов постсоветского периода, считая, что их приток обеспечил размывание региональной армянской культуры, подорвал престиж диаспоры в глазах местного населения, стал поводом для роста армянофобии и барьером межэтнической консолидации. Такие оценки в отношении мигрантов из

постсоветских республик высказывали в своих интервью представители азербайджанской и узбекской диаспоры, переехавшие в регион еще в начале 1970-х гг. и укорененные в местной среде.

Анализ этносоциальной структуры национально-культурных объединений диаспор Ростовской области также позволяет выделить несколько компонентов, наличие которых подтверждает тезис о неоднородности диаспорных сообществ. Так, в среде условно «престижного» сегмента диаспор, включающего европейские народы (немцы, греки, поляки), а также евреев, наряду с носителями актуального уровня этнической идентичности, языка, религии и культуры, присутствуют этнически маргинальные компоненты. К ним относятся члены национально-культурного объединения, привлеченные к его деятельности не по признаку примордиальной этничности, а на основании интереса к культуре того или иного народа, воспоминаниями о наличии среди далеких предков представителей данного этноса, инструментальными мотивами или личными неформальными связями с руководителем общины. Базовым инструментальным мотивом интеграции в деятельности национально-культурных организаций выступает стремление воспользоваться программами грантовой поддержки, предоставляемыми государством или общественными фондами, получить преференции при оформлении выездных документов в страны титульной принадлежности диаспоры, воспользоваться их образовательными или туристско-ознакомительными программами. Присутствие данного компонента среди членов официальных объединений диаспоры неизбежно, так как активы данных сообществ зачастую испытывают кадровый дефицит и компенсируют его, в том числе, за счет привлечения

иноэтнических членов организаций. Но расширение присутствия этномаргиналов в составе сообщества приводит как к дискредитации самого института, так и к кризису его легитимности в глазах непосредственных представителей этнической группы [10; 181].

В среде этнических диаспор, формирующихся преимущественно за счет представителей первого поколения переселенцев (узбеки, киргизы, таджики и др.), присутствие подобного рода диаспорных маргиналов не выявлено. Незначительный старожильческий компонент данных этнических групп стремится дистанцироваться от официальных институтов диаспоры, позиционируя свою преимущественную консолидацию с этническим большинством региона – русскими. Следует отметить, что в данном случае речь не идет об этническом нигилизме, так как эта часть этногруппы не отрицает своей этнической идентичности или факта исторической принадлежности к данному народу. Речь идет о диаспорном нигилизме, так как старожилы в виду своего социально-профессионального статуса, ценностно-поведенческой системы норм, актуального состояния культурного уровня и интересов ощущают большую сопричастность к местному населению, чем к мигрантам постсоветской волны.

Деятельность объединений, представляющих интересы и культуру конкретного этнического сообщества, направлена на интеграцию латентных членов общности, актуализацию их идентичности, активизацию их участия в повседневной жизни общины, в событиях, организуемых национально-культурными центрами. Расширяя за их счет свою структуру, национально-культурное объединение укрепляет свой презентационный статус в глазах региональных и муниципальных органов управления, а также дипломатических служб государств

титульной принадлежности. Как показали результаты глубинных интервью, диаспорные лидеры стремятся к численному увеличению своих организаций, хотя не всегда заинтересованы в расширении числа диаспорных активистов, так как не уверены в их лояльности и опасаются возможной конкуренции за статус первого лица группы.

Таким образом, социальная структура этнических диаспор, локализованных в пространстве южнороссийского макрорегиона, характеризуется высокой степенью фрагментации. В целях повышения авторитета институтов диаспоры, их легитимности в глазах представителей этнических сообществ требуется нейтрализация искусственных барьеров на пути официального оформления национально-культурных объединений по субдиаспорному признаку. Это позволит избежать расширения членства в данных сообществах лиц из числа

диаспорных маргиналов, а также расширит медиаторский функционал объединения. Однако реализация подобных инициатив должна быть детерминирована реальными культурно-историческими различиями в диаспорной общности, а не характером межличностных отношений внутри руководящего сегмента группы. Фантомизация диаспорных объединений лишь усилит конкуренцию между ними, создаст риски для лояльности членов группы ее руководящим органам, не будет обеспечивать выполнение базовой функции такого рода структур – сохранение и развитие национальной культуры и представительства национальных интересов. Соответственно, юридическая практика регистрации диаспорных и субдиаспорных объединений должна сопровождаться соответствующей научной экспертизой, которая в настоящее время проводится в отношении религиозных объединений.

Примечания:

1. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 4. Национальный состав и владение языком, гражданство. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 01.10.2017).
2. Дробижина Л.В. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. М.: Новый хронограф, 2013. 336 с.
3. Бедрик А.В., Стукалова Д.Н., Терещенко А.А. Социально-правовой статус диаспоры в современном российском обществе: региональный ракурс // Гуманитарий Юга России. 2016. № 4. С. 61-71.
4. Аствацатурова М.А. Диаспоры в Российской Федерации: формирование и управление (Северо-Кавказский регион). Ростов н/Д; Пятигорск: Изд-во СКАГС, 2002. 628 с.
5. Диаспоры и землячества: опыт регионального измерения: сб. ст. / под ред. А.В. Дмитриева. М.: РУСАЙНС, 2016. 226 с.
6. Полоскова Т.В. Современные диаспоры: внутривнутриполитические и международные аспекты. М.: Научная книга, 2002. 284 с.
7. Брусина О.И. Этническая группа в многонациональном регионе: полевые исследования среди туркмен Юга России // Диаспоры. 2012. № 1. С. 95-128.
8. Армяне Юга России: опыт социологического исследования: кол. монография / отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д; М.: Социально-гуманитарные знания, 2011.
9. Денисова Г.С., Клименко Л.В. Этнокультурный механизм конструирования конфликтности: опыт кейс-стади в полиэтничных районах. Ростовской области. Ростов н/Д: Изд-во ПИ ЮФУ, 2012. 206 с.
10. Соколовский С.В. Национальные меньшинства в постсоветской России: международно-правовые аспекты // Диаспоры. 2011. № 2. С. 178-196.

References:

1. Results of All-Russian population census of 2010. Vol. 4. National composition and language skills, citizenship. [Electronic resource]. – Access mode: URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (date of access: 01.10.2017).
2. Drobizheva L.V. Ethnicity in the socio-political space of the Russian Federation. Experience of 20 years. / L.M. Drobizhev. M.: New chronograph, 2013. 336 pp.
3. Bedrik A.V., Stukalova D.N., Tereshchenko A.A. The social and legal status of the diaspora in the contemporary Russian society: a regional aspect // Humanitarian of the South of Russia. 2016. No. 4. P. 61-71.
4. Astvatsaturova M.A. Diasporas in the Russian Federation: formation and management (the North Caucasus region). Rostov-on-Don. Pyatigorsk: Publishing house of SKAGS, 2002. 628 pp.
5. Diasporas and communities: the experience of the regional dimension: coll. of art. / collective of authors; ed. by A.V. Dmitriev. M.: RUSAINS, 2016. 226 pp.
6. Poloskova T.V. Modern diasporas: domestic and international aspects. M.: Nauchnaya kniga, 2002. 284 pp.
7. Brusina O.I. Ethnic group in the multinational region: field studies among the Turkmens of the South of Russia // Diasporas. 2012. No. 1. P. 95-128.
8. Armenians of the South of Russia: the experience of sociological research. A collective monograph / Executive ed. Yu.G. Volkov. Rostov-on-Don. M.: Socio-Humanitarian Knowledge, 2011.
9. Denisova G.S., Klimenko L.V. Ethno-cultural mechanism of the construction of the conflictness: the experience of the case-study in polyethnic regions of the Rostov Region. – Rostov-on-Don: PI SFU, 2012. 206 pp.
10. Sokolovsky S.V. National minorities in post-Soviet Russia: international legal aspects // Diasporas. 2011. No. 2. P. 178-196.